

Шалагина Елена Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент, кафедра теоретической и прикладной социологии, факультет социологии, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620142, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 75; e-mail: elshal96@gmail.com.

**СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальная напряженность; конфликт; образовательное пространство; взаимодействие; потенциал конфликтности.

АННОТАЦИЯ. Актуальная тема социальной напряженности в российском обществе рассматривается сквозь призму образовательного пространства современной школы и систем социального взаимодействия основных участников учебно-воспитательного процесса. Представлены некоторые результаты конкретного социологического исследования, в ходе которого перед группой уральских социологов ставились вопросы типологии, субъектности, частоты и иных аспектов современных школьных конфликтов.

Shalagina Elena Vladimirovna,

Candidate of Sociology, Assistant Professor of the Chair of Theoretical and Applied Sociology, Faculty of Sociology, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

**SOCIAL TENSION IN EDUCATIONAL SPHERE:
ASPECTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH**

KEY WORDS: social tension; conflict; educational sphere; interaction; potential of conflicts.

ABSTRACT. The article examines the social conflict area in the sphere of contemporary system of education in Russia. In terms of theory, the article calls attention to researching social conflicts in different elements of educational system. This paper describes important issues on the topic and presents the results of a concrete research. Urals sociologists begin to apply their research methods in large scale-study. Our results suggest that the level of social supports in modern schools is not very low. The author analyzes significant trends in the development of social conflicts inside the system of education today.

Вопросы изучения социальной напряженности в российском обществе всё чаще поднимаются социологами как в плане теоретического осмысления этого социального феномена, так и в области прикладных социологических исследований.

Социальная напряженность – это особое состояние общественного сознания и поведения, специфическая ситуация восприятия и оценки действительности. Социальная напряженность представляет собой эмоциональное состояние в группе или обществе в целом, вызванное давлением со стороны природной или социальной среды, продолжающееся, как правило, в течение более или менее длительного времени (3).

Наиболее общие предпосылки напряженности – это устойчивая и длительное время не разрешаемая ситуация рассогласования между потребностями, интересами, социальными ожиданиями социальной группы или значительной части населения и мерой их фактического удовлетворения, приводящая к накоплению недовольства, усилению агрессивности отдельных групп и категорий людей, нарастанию психической усталости и раздражительности большинства.

Таким образом, под социальной напряженностью понимается острая продолжительная неудовлетворенность, возникающая в процессе реализации потребностей, ценностей индивида и группы в связи с отсутствием необходимых условий или негативной оценкой таковых. Следовательно, социальная напряженность может выступать в качестве фактора, катализатора экстремистской направленности. С точки зрения социологии, экстремистская направленность – это совокупность установок, представлений, действий, представляющих собой угрозу безопасности функционирования существующей системы, обусловленных определенными идеологическими взглядами.

Социальная напряженность является результатом различных действий и взаимодействий индивидов и групп, позиции которых при этом могут определяться либо как состояние потенциального конфликта (в силу изначального противоречия интересов), либо как результат рассогласованности их ценностных ориентаций и социальных установок (отсутствие регулирования). В последнем случае принципиальное значение имеют характеристики образовательного пространства как совокупности полей

¹ В статье использованы материалы исследования «Уровень напряженности в образовательных средах Свердловской области и иных факторов экстремистской направленности» (2012 г.). В исследовании принимали участие И. В. Шапко, М. Н. Вандышев, Л. Е. Петрова, Е. В. Прямикова, Е. В. Шалагина.

взаимодействий индивидов и групп, определяющихся разделяемыми смыслами, зафиксированными нормами, возможностями влияния (распределение социального капитала), проявляющимися в ценностных ориентациях и установках.

Значительную часть общества составляют люди, тем или иным образом связанные со школой: родители и дети и их ближайшие родственники, а также специалисты, работающие в данной сфере. Уровень социальной напряженности в обществе, с одной стороны, может провоцировать негативные отношения между участниками образовательного процесса, с другой – усиливаться в силу школьного неблагополучия.

Недовольство, неудовлетворенность участников образовательного процесса особенностями школьной жизни может приводить к росту напряженности. Если уровень напряженности довольно высокий, то это может выражаться в частоте конфликтов между различными участниками.

Обратимся к результатам конкретного социологического исследования, проведенного исследовательским коллективом уральских социологов. Одним из смысловых блоков данного исследования были вопросы о конфликтах в школе, выяснялись мнение и оценки учителей, родителей и учащихся.

УЧАЩИЕСЯ КАК УЧАСТНИКИ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Каждый второй учитель указал на бесконфликтные отношения с учащимися (54,6%; здесь и далее приводятся проценты от числа ответивших), 43,8% респондентов ответили, что иногда возникают конфликты, и лишь 8% учителей указали, что конфликты возникают постоянно.

Опрошенные школьники реже отмечают, что конфликтуют со своими товарищами по учебе: 69,7% указали на бесконфликтность отношений, 27,9% ответили, что иногда все-таки возникают конфликты, и только 2,3% считают конфликты между учащимися постоянными.

Родители сходным со своими детьми образом оценили конфликтность в диаде «учащийся – учащийся»: 68% считают отношения практически бесконфликтными, 24,7% указали, что конфликты возникают иногда, и только 1,6% отметили, что конфликты возникают постоянно.

Анкета для школьника и родителя содержала дополнительный вариант ответа – «нет никаких отношений», который должен был выделить родителей, максимально отстранившихся от школьной жизни своего ребенка (так ответили 5,7%).

Таким образом, более высокие показатели конфликтности среди учеников были отмечены учителями, а не школьниками и

их родителями. Разница в оценке степени конфликтности во взаимодействии может быть интерпретирована как наличие разных стандартов/критериев конфликтов. Требования со стороны учителей и реакция на них школьников – повод для конфликта в диаде «учитель – ученик».

УЧИТЕЛЯ КАК УЧАСТНИКИ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Подавляющее большинство учителей (89,8%) оценили свои отношения с коллегами как бесконфликтные, только 9,8% считают, что конфликты возникают иногда, и практически нет респондентов, которые бы указали на высокую степень конфликтности в отношениях с другими учителями в их школе.

Каковы же отношения между учителем и учеником? 55% опрошенных школьников считают такие отношения бесконфликтными, 42% указали, что иногда конфликты возникают. Родители солидарны со своими детьми и считают, что отношения между их детьми и учителями по преимуществу бесконфликтны (71,6%). Лишь 22,8% родителей указали, что конфликты возникают иногда. Доля тех, кто отмечает высокий уровень конфликтности, не высока и составляет примерно от 1 до 4% по названным группам.

Учителя как субъект и объект конфликтного взаимодействия по-разному оцениваются учащимися и их родителями. Школьники критичнее оценивают степень конфликтности в отношениях с учителями, нежели их родители. Родители, скорее всего, либо испытывают дефицит информации, либо не интерпретируют отношения своих детей с учителями как конфликтные (считая, например, справедливыми требования, предъявляемые к школьникам). Коллеги как участники конфликтного взаимодействия практически не представлены в ответах учителей.

РОДИТЕЛИ КАК УЧАСТНИКИ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Большинство учителей (76,7%) считают отношения с родителями своих учеников практически бесконфликтными, 23,2% ответили, что иногда все-таки возникают конфликты, и лишь 1,2% считают конфликты постоянными. Школьники в подавляющем большинстве не конфликтуют с родителями своих одноклассников (95,5%). Большинство родителей (78%) оценили отношения с родителями одноклассников своего ребенка как бесконфликтные, 6% указали, что конфликты иногда возникают, практически нет тех, кто указал бы на постоянное конфликтное взаимодействие. Однако среди родителей существенна группа тех, кто считает, что не имеет никаких отношений с другими родителями –

такой ответ дали 15,8% от опрошенных. Это указывает на низкую степень солидарности в родительской среде.

Таким образом, родитель как субъект и объект конфликтного взаимодействия не актуален ни для школьников, ни для учителей, ни для родителей, хотя последние зафиксировали факт разобщенности в родительской среде.

АДМИНИСТРАЦИЯ ШКОЛЫ КАК УЧАСТНИК КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Самый высокий уровень конфликтности демонстрируют отношения «учитель – администратор». 78,5% учителей указали, что иногда возникают конфликты с администрацией школы, 20,9% считают, что конфликты постоянны.

Среди школьников большинство указало на низкую степень конфликтности: так, 82,9% считают, что у них практически бесконфликтные отношения с администрацией. Иногда конфликты с администрацией возникают у 14,6% учащихся. И лишь 2,4% школьников считают, что такие конфликты возникают постоянно.

Родители опять продемонстрировали большую дистанцию по отношению к администрации школы: 11,6% опрошенных считают, что у них нет никаких отношений с администрацией школы, в которой учится их ребенок. Только 4,8% родителей ответили, что у них иногда возникают конфликты с администрацией школы; родители не рассматривают такое взаимодействие как постоянное.

Таким образом, администрация как объект взаимодействия вообще и потенциально конфликтного взаимодействия актуальна только для учителей. Для школьников это взаимодействие с низким потенциалом конфликтности. Родители также не высказали радикальных оценок, но более десятой части с администрацией вообще не взаимодействуют. Эти и другие данные указывают на высокую персонализированную нагрузку на учителя, который находится в центре разного рода взаимодействий, не имея при этом посредников в решении конфликтов.

Итак, выводы демонстрируют, что в оценках учителей наиболее распространенными являются конфликты с представителями администрации школы, на втором месте – с учащимися, на третьем – с родителями учащихся и на последнем – с коллегами.

Для школьников наиболее распространенными являются конфликты с учителями, далее – с одноклассниками, на третьем месте стоит администрация школы, на четвертом – родители других учеников.

Родители указали на наличие и распространенность конфликтов между свои-

ми детьми и учителями, а также с одноклассниками, отношения же с другими родителями и администрацией школы оценены этой группой как практически бесконфликтные.

Таким образом, группой активного взаимодействия являются учителя и учащиеся, которые почти одинаково оценивают конфликты в диадах своих отношений: половина считает отношения бесконфликтными, редкими – от трети до половины опрошенных. Администрация школы – объект конфликтных взаимодействий прежде всего для учителей. Ни родители, ни школьники с администрацией не конфликтуют, а родители даже указали на отсутствие каких-либо отношений.

Основная нагрузка в управлении конфликтными ситуациями лежит на педагоге: в оценках учителей конфликты фиксируются чаще всего. Исключением является среда коллег: конфликтов между учителями не зафиксировано. Родители по преимуществу дистанцированы от конфликтов своего ребенка: оценки конфликтности ниже, чем у их же детей и учителей. Администрация школы является стороной конфликта только во взаимодействии с учителями.

При анализе школьных конфликтов невозможно не обратиться к методам и приемам, которые задействованы в их решении, а также к готовности субъектов взаимодействия к поискам сотрудничества.

Учителя в ситуации конфликта с учащимися предпочли бы обратиться к классному руководителю (42,2%), директору или завучу (29%), школьному психологу (22%). Институт коллегиального взаимодействия здесь не работает: только 3% учителей обратятся к своим друзьям, коллегам, еще 2% – к родителям других детей. Минимальное число респондентов заявили, что обратятся в органы управления образованием (1,4%).

Школьники в ситуации конфликта с одноклассниками обратятся за помощью к своим друзьям (38,7%). На втором месте по числу ответов – классный руководитель (15,1%) и школьный психолог (14,7%), на третьем – директор, завуч (11,1%) и родители других детей (11,1%). По сравнению с учителями, дети выбирают также СМИ (4,4%). Органы управления образованием значимы как арбитр в ситуации конфликта с одноклассниками для 2% опрошенных школьников. В органы правопорядка обратились бы 1,6%.

Родители в ситуации конфликта их ребенка с другими школьниками выбрали в первую очередь классного руководителя как арбитра (69,8%), на втором месте – директор или завуч, школьный психолог (9,5–9,9%), далее по доле выбравших тот или

иной вариант ответа идут родители других детей (7,2%). В органы управления образованием обратились бы только 1,7% респондентов.

Таким образом, для взрослых – учителей и родителей – арбитром в конфликтах являются классные руководители, а для детей – сверстники. Внешние стороны потенциального конфликта не актуальны, участники обратятся за помощью в первую очередь к различным внутришкольным институтам.

Школьники в ситуации конфликта с учителями обратятся в первую очередь также к директору, завучу (33%), к родителям (23,3%), к своему классному руководителю (17,2%). Значительно чаще учащиеся выбирают как арбитра органы управления образованием (9,8%), хотя вряд ли они имеют подобный реальный опыт. К школьному психологу обратились бы 2,9%, в СМИ – 3,7%, к своим друзьям – 5,2%.

Родители в ситуации конфликта их ребенка с учителем обратятся к директору или завучу (56,8% ответов), к классному руководителю (28,3%). Это, по мнению родителей, основные арбитры. Незначительное число опрошенных выбрали органы управления образованием (4,7%), педсовет школы (3,2%). Таким образом, родители воспринимают конфликты как повод для административных воздействий чаще, чем другие группы респондентов – сами учителя и дети.

В ситуации конфликта с родителями учителя обратились бы в первую очередь к администрации школы – директору или завучу: на это указали 42,5%. На втором месте – классный руководитель (17,5%), далее – родительский комитет и школьный психолог (11,2% и 11,4%), родители других детей (8,8%), друзья, коллеги (5,9%).

Учащиеся в ситуации конфликта с родителями других детей (что маловероятно, как было описано выше) обратились бы к родителям (вероятно, своим) – так ответили 42,7% опрошенных. Классный руководитель и родительский комитет выбран примерно каждым десятым школьником. Также каждый десятый обратился бы к своим друзьям. По 6% ответов набрали директор или завуч школы и школьный психолог. 4,6% ответивших на этот вопрос школьников обратились бы в ситуации конфликта с родителями в СМИ, а 5% – в органы правопорядка. Таким образом, учащиеся более формально (возможно, абстрактно) воспринимают ситуацию конфликта со взрослыми – родителями других детей. При этом более решительно указывают на внешних арбитров.

Родители школьников в ситуации конфликта своего ребенка с родителями других детей в первую очередь обратились бы к классному руководителю (34,9%), на вто-

ром месте – собственно родители других детей (23,4%). Родительский комитет назвали 15,9%, администрацию школы – 9,9%, школьного психолога – 5,3%, органы правопорядка – 4,6%, своих друзей и коллег – 3,8%.

Учителя в ситуации конфликта с администрацией школы обратились бы в органы управления образованием: такой ответ дали 55,3%. На втором месте – директор или завуч школы (17,3%). Коллеги и друзья должны помочь по мнению 13,3%. Педсовет школы и школьного психолога выбрало незначительное число учителей – соответственно 5,2 и 4,7%. Лишь 1,1% обратятся в СМИ, а 1,6% – в органы правопорядка.

Школьники, конфликтуя с администрацией, обратятся «наверх» – в органы управления образованием (42%). На втором месте – родители (19,9%), далее – завуч, директор школы (8,7%). Классный руководитель набрал 7,5% ответов, органы правопорядка и СМИ – соответственно 6,8 и 6,6%.

Если конфликт с администрацией школы возникнет у родителей, они в первую очередь обратятся в органы управления образованием: такой ответ дали 63,6%. Далее по убыванию числа ответов следуют директор, завуч (11,3%), классный руководитель (10,2%), педсовет школы (3,5%) и школьный психолог (3,1%). Остальные арбитры малозначимы.

Таким образом, в ситуации конфликта с администрацией школы все респонденты предпочитают вышестоящую инстанцию – органы управления образованием.

Учителя в поисках разрешения конфликта в большинстве случаев предпочитают обращаться к администрации школы – директору, завучу. Рассматриваются также обращение к классному руководителю и коллегам. Вышестоящие инстанции указаны как арбитр в разрешении конфликта только с администрацией школы.

Учащиеся более дифференцированы в поисках институтов разрешения конфликта. Они редко выбирали независимые организации – СМИ, органы правопорядка и прочие, – и в основном намерены обращаться к администрации школы, классному руководителю, родителям и к своему окружению – друзьям.

Родители школьников также предпочитают поиски внутренних вариантов разрешения конфликтов: по доле выбравших ту или иную группу арбитров лидируют классный руководитель, администрация школы.

Таким образом, за исключением конфликта с администрацией, поиски разрешения конфликтов локализованы в школьной среде. При этом основная нагрузка опять приходится на классного руководителя.

Таблица.

Опасения учителей¹

Варианты ответа	Ответившие, %
Отношение родителей к учителям и к школе в целом	60,2
Плохое знание русского языка иноязычными детьми	57,8
Объем рабочей нагрузки	57,4
Престиж профессии учителя в обществе	44,0
Ограниченные возможности карьерного роста	33,3
Конфликты между детьми разных национальностей	32,3
Постоянное реформирование образования	31,3
Загруженность посторонней работой, не относящейся к учительскому труду.	25,5
Отношение школьников к учебе	24,4
Качество учебно-методического обеспечения	21,2
Отсутствие времени для отдыха	15,4
Непрерывная опека, контроль со стороны органов управления	10,9
Уровень защищенности учителя	10,5
Отношение к учителю со стороны администрации школы	10,1

¹ Вопрос был сформулирован следующим образом: «Что Вас больше всего беспокоит в Вашей сегодняшней профессиональной жизни?». Из данной таблицы исключены варианты ответов, выбранные менее чем 10% опрошенных учителей.

Как показывают результаты проведенного исследования, заявленная тема остается актуальной в свете понимания социальной напряженности внутри образовательного процесса.

Взгляды на необходимость и положительную ценность конфликтов, которые якобы приводят к оздоровлению отношений, стали распространяться в последнее десятилетие в среде российских психологов и педагогов (вслед за иностранными коллегами). К числу позитивных последствий конфликтов относят, например, 1) разрядку напряженности между конфликтующими сторонами; 2) получение новой информации об оппоненте; 3) сплочение коллектива в борьбе с «внешним врагом»; 4) стимулирование к изменениям и развитию; 5) снятие синдрома покорности у подчиненных; 6) диагностику возможностей оппонентов (См.: 6).

Вместе с тем необходимо помнить, что конфликты травмируют и могут иметь драматичные последствия. Известно, что в ходе конфликта происходит снижение дисциплины, ухудшение социально-психологиче-

ского климата, возникает представление о «хороших» и «плохих», «своих» и «чужих», о побежденных и победителях как о врагах. После завершения конфликта уменьшается степень сотрудничества, сложно восстанавливаются доверительные отношения, взаимное уважение, а «шлейф конфликта» тянется довольно долго или не исчезает вовсе. Кроме того, публичность конфликта имеет большой воспитательный резонанс.

В целом была выявлена крайне низкая степень социальной напряженности в образовательной среде школ Свердловской области. Такой результат можно считать положительным, но эмоциональное состояние учителей остается довольно тревожным. В таблице приведены различные составляющие профессиональной деятельности учителя, вызывающие беспокойство (см. табл.). Данные могут свидетельствовать о латентных конфликтных ситуациях, которые пока не находят своего выражения. В результате не представляется возможным определенно констатировать низкий уровень социальной напряженности в школах Свердловской области, по крайней мере с позиции учителя.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Белкин А. С., Жаворонков В. Д., Зимина И. С. Конфликтология: наука о гармонии. Екатеринбург : Глагол, 1995.
2. Воронин Г. Л. Конфликты в школе // Социологические исследования. 1994. № 3.
3. Дмитриев А. В. Конфликтология. М., 2009.
4. Журавлев В. И. Основы педагогической конфликтологии: учеб. / Рос. пед. агентство. М., 1995.
5. Козер Л. А. Реалистичный и нереалистичный конфликт // Психология конфликта : хрестоматия / сост. и общ. ред. Н. В. Гришиной. СПб. : Питер, 2001. С. 59–67.
6. Козер Л. А. Функции конфликта М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуал. книги, 2000.
7. Кох И. А. Конфликтология. Екатеринбург, 1997.
8. Линчевский Э. Э. Контакты и конфликты. М. : Экономика, 2000.
9. Рыбакова М. М. Конфликт и взаимодействие в педагогическом процессе. М. : Просвещение, 1991.
10. Хасан Б. И. Конструктивная психология конфликта. СПб. : Питер, 2003.

Статью рекомендует д-р социол. наук, доц. Е. В. Прямыкова.